

Самуил АЛЕШИН — один из самых известных и репертуарных драматургов: его пьесы из года в год шли — и идут теперь — на десятках и сотнях сцен в Советском Союзе и за рубежом. Но вот пришла и прошла перестройка, наступило новое время — и положение в театре круто изменилось...

Сегодня — на пороге 80-летия драматурга — мы публикуем его грустные заметки.

Что с театром?

В ТЕАТРЫ сейчас стали ходить хуже. Особенно в провинции. Театры разваливаются на отдельные труппы — два МХАТа, два Ермоловских, две Таганки... Кто следующий?

Актеры разбегаются. Одни подражаются на зарубежные гастроли или вообще уезжают. Надолго ли? Некоторые организуют группки и выступают с откровенной халтурой. Объяснение: надо кормить семью.

Взлетевшие цены на билеты отразились и на составе зрителей. Пришли те, кто с толстым карманом. Театру надо сводить концы с концами, и новый зритель диктует выбор репертуара, манеру постановки и игру актеров. Сегодня зрителю подавай развлеченье: голые, секс, причем обычный приелся, давай позабави-стай...

На сцене стало звучать то, чего никогда не было, — похабщина, мат. Актеры — чуткий народ, — почувствовал, что именно «забирает» нового зрителя, стали играть с нажимом, грубо. Тут уж не до дикции...

Но и это приедается, как и все, не имеющее отношения к искусству. Кто-то решил — детектив вывезет. Однако настоящий детектив требует мастерства, таланта, изобретательности, один голый сюжет не увлекает, а уж о душе и говорить не приходится.

Так на чем же ныне возродиться театру?

КАК ИЗВЕСТНО, все начинается с драматургии. Вот театры и ищут пьесы, где было бы побольше событий. Однако такие пьесы явно отстают от того, что обрушивается на наши головы ежедневная жизнь. Откройте любую газету, включите телевизор — и вот вы уже в потоке таких непредсказуемых и всех касающихся событий, что никакому театру не угнаться.

В том-то и суть, что гнаться не надо, и все же гонятся. Правда, не все. Некоторые хватаются за историю, уповают на эмигрантское или иностранное имя автора, надеются необычным антуражем или аналогией с политической ситуацией вернуть себе прежнего да и привлечь подростка, тянущегося к искусству зрителя.

Напрасные хлопоты. Ценность аналогий и намеков катастрофически упала. Ибо все уже всюду даже не говорят, а кричат всё открытым текстом. Этим наперегонки стали заниматься расплодившиеся, как кролики, маленькие театрики, которые возникают и распадаются шустрей, чем браки в жизни. Семейной прочности со зрителем не получается.

Так почему же театры не понимают, что выбранный ими или навязанный коммерческими соображениями путь — тупиковый и уже привел к падению профессионализма?

Мне кажется, произошло парадоксальное событие. Вся убойная фразеология, которой раньше пользовались всяческие директивные инстанции, в том числе бывшие министерства культуры, чтобы зарубить пьесу или обкорнать спектакль, ныне переместилась в стены ных театров. Только теперь у нее обратный знак.

Если раньше требовались положительные примеры, то ныне выех да полож отрицательные. Если раньше все личное крестили как мелкоземье, то ныне чем больше актеры и актрисы будут прыгать друг на друга, как футболисты после удачно забитого мяча, тем лучше. Если раньше даже не ругань, а грубоватое выражение коробило номенклатурное ухо начальства, то ныне надписи на заборе могут смело перекачевать в реплики персонажа женского пола.

Если раньше, когда правда была под запретом и имела шанс пробить-

ся лишь под прикрытием разных хитростей, даже писк правды бывал услышан с благодарностью тогдашним зрителем, ибо зритель был натаскан самой жизнью улавливать такой писк, то ныне возникла другая проблема — быть услышанным.

Вот мы и подошли к ответу на вопрос, который вроде бы позис в воздухе: на чем же ныне возродиться театру?

Думается, сегодня стало самой большой проблемой именно пробиться друг к другу. Пробиться, услышать и позерить. Люди так привыкли к обману, так приспособились к лицемерию, насаждавшемуся не годами — десятилетиями, что даже дети знают, когда, кому и что полагается вопреки правде говорить.

Но вот свершилось! Стало возможным говорить что думаешь да и руки держать не только по швам. И все заговорили. И слушают только себя. Включите любую телепередачу — и на что ни налетите: на «круглый стол», на стол с углами или сессию, — убедитесь в этом. Выплеснулось все, что молчало, задвигалось все, что было сковано. Причем с такой энергией и самоуверенностью, на которые способны только люди, свободные от оков воспитания и не обремененные знаниями.

Такие-то дела... Но тогда помочь понять и услышать друг друга — это и есть, наверное, то главное, что должно составлять суть событий, которым следует посвящать свои усилия драматургу и театру.

А как с приметами времени? Бывают периоды и государственные устройства, когда контакты между людьми облегчены, и тогда взаимное понимание достигается легче. Но, наверное, никто не оспорит, что эти контакты у нас были затруднены, а потому и сейчас даются плохо. Так вот именно эта затрудненность и яв-

ляется приметой времени. А выражена она может быть через особенности языка, манеру поведения и даже оценку внешнего вида. Важно лишь, чтобы не эти особенности стали самоцелью, а то, как они затрудняют контакты или способствуют им. Это я к тому, что нас не только в театре (но в нем особенно заметно — народ-то эмоциональный) частенько швыряет в крайности. Либо холуйство, либо хамство, либо дистиллированная речь, либо матерщина, либо при галстукке, либо как божж.

Теперь все же о языке особо, ибо он в драматургии — а значит, и в театре — царь.

Да, конечно, в стране, где десятилетиями всякое проявление индивидуальности вызывало настороженное к себе отношение и рассматривалось в лучшем случае как чудачество, с изобретением, а в худшем как криминал, — в такой стране неизбежно должна была произойти деградация речи, мимо которой не могут пройти драматург и театр. Но, как всегда в искусстве, все решает чувство меры. Нехитрое дело: что услышал — вывалил на бумагу да и произнес со сцены. А вот ты отбери, снабди паузой, скажи так, чтобы прозвучало сильнее, чем в жизни, и чтобы никакой похабщины! Вот для этого требуется мастерство.

Понимаю, что мне могут возразить: «Вы думаете так, а мы эдак. Почему вам кажется, что вы правы?»

Что же, как всегда, критерий истины есть практика. А практика такова — отход от театра того зрителя, ради которого стоит работать, если театр хочет, чтобы на его сцене звучало искусство, а не демонстрировалось зрелище сомнительного качества.

Могут сказать и другое: «Нам надо жить, и жить сегодня. Зато потом мы...» Но так не бывает. Заработать

на панели приданое, а затем вести на него счастливую, порядочную семейную жизнь?.. Не получается так.

ТЕПЕРЬ о драматургах. Как говорится, кто о чем...

Пожалуй, события, происходящие в стране, ударяют по драматургам материально тем сильнее, что они не защищены твердой зарплатой. Но еще более ощутимый удар хаотично надвигающиеся рыночные отношения грозят нанести по перспективам авторов.

В самом деле, все большее проникновение «деловых людей» в искусство, в спонсорство, чаще преследующее коммерческие цели, нелегко толкает его к пошлости, к работе на потребу низменным вкусам. И если раньше правдивое произведение хоть и с трудом, подчас с горькими потерями, а все же провозлакивалось через цензурные рогатки, то через коммерческие пробиться сложнее, потому что театру нужно сводить финансовые концы с концами. Это раньше высокое начальство говорило: «Мы на культуре не зарабатываем». И лгало. Во-первых, кое-что зарабатывало; во-вторых, не только деньги, но и карьеру. А ныне?

Без ощутимых государственных дотаций, без компетентного меценатства, способного поощрить истинно талантливое, искусство жить не может — это аксиома.

Так куда же порядочному драматургу податься? Некоторые устремились писать прозу. Дело хорошее. Но что, если перо так и поворачивает на диалог? Глядишь, и опять выскочила пьеса!

Как известно, у драматурга только два способа реализовать свои возможности — публикация и постановка.

Сколько себя помню, напечатать пьесу всегда было трудно. Почему у гигантской страны, раскинувшейся на полмира и покрытой лесами, в которых можно спрятать другие полмира, всегда было мало бумаги, так что приходилось прикупать у сравнительно крохотной Финляндии, — другой вопрос. На который, кстати, все знают ответ. А потому драматургам постоянно выпадало слышать в издательствах одно и то же: «Для прозаиков бумага — хлеб, а для вас — пирожное». Вы живете с театра. Потерпите». И переставляли в планах издательства из года в год.

Но все же маленькими тиражами, а пьесы печатали. Понимали: пьеса должна жить и как самостоятельное

художественное произведение. Да и мало ли как сложится ее сценическая судьба? Театр слишком зависит от злобы дня, а пьеса — от действующих режиссероз и актеров. Ее могут вообще сегодня не поставить или сыграть так, что она умрет, едва родившись. Но пройдет время, и пьеса, возможно, прозвучит совсем в иную силу. Такое в истории бывало. Только если раньше напечатать пьесу было трудно, то теперь, когда цены на бумагу и типографские услуги подскочили до пугающих размеров, это стало практически невозможно. (Хорошо еще, что существуют журнал «Театр» и альманах «Современная драматургия», но их возможности также все более ограничивают.)

Остается второй путь — постановка. Возможно ли сегодня поставить пьесу на сцене? Речь о той, что написана сейчас. Да, если это пьеса на небольшое число персонажей (двух три — диктует коммерция). Если она развлекательного характера — расчет на зрителя, который при больших деньгах и пришел «провести время». Если эта пьеса устраняет продюсеров, способных вывезти актеров за рубеж на гастроли, лишь бы произведение «щекотало». (Как заявил один такой «деловой» парень режиссеру: «Пусть только там будут голые мужики». А то голые бабы уже приелись...)

Вот и посудите сами, каковы шансы увидеть свою вновь написанную пьесу на сцене. Для драматургов, успевших приобрести имя, правда, возник совсем не худший вариант: если пьеса опубликована, ее за рубежом переводят и ставят в США, Англии, Канаде, Австралии, Японии. Но — если опубликована. И потом — а родная сцена? Как правило, либо молчит, либо если откликнется, то с большим опозданием. И это совсем не худший вариант.

Но вот свершился лучший вариант — пьеса поставлена на родной сцене и ее подхватили бывшие нашенские республики, а теперь очень самостоятельные государства. Значит, свершилось чудо — пошла-поехала пьеса по стране, нынешней и бывшей. А жить на что? На гонорар? Э-э, милые! Это даже раньше республики платили неохотно и бывший ВААП выколачивал его из них с трудом. А теперь если играют, то даже не извещают. И уж, разумеется, встав на самостоятельные государственные ножки, не платят.

Такие-то дела...